

Броня

Отрывки из документальной повести

Окончание.

Начало в № 69, 72, 75, 78, 81, 84, 87.

Нет, мешьяре здесь живут. Язык у них почти такой же, как у башкир, только все равно отличается. Для Паши Полякова, говоришь, лыжи нужны? Ай, бик якши егит этот Паша, хороший парень и душа у него открытая, — как бы между собой рассуждали башкиры, согласно кивая головами. — Ана ярдам итерга каряк, помочь ему обязательно надо, говорим. Мы сами кого-нибудь пошлем в деревню, поспрашиваем там лыжи: охотники-то обязательно там были среди мужиков. Ты правильно догадался туда обратиться за лыжами.

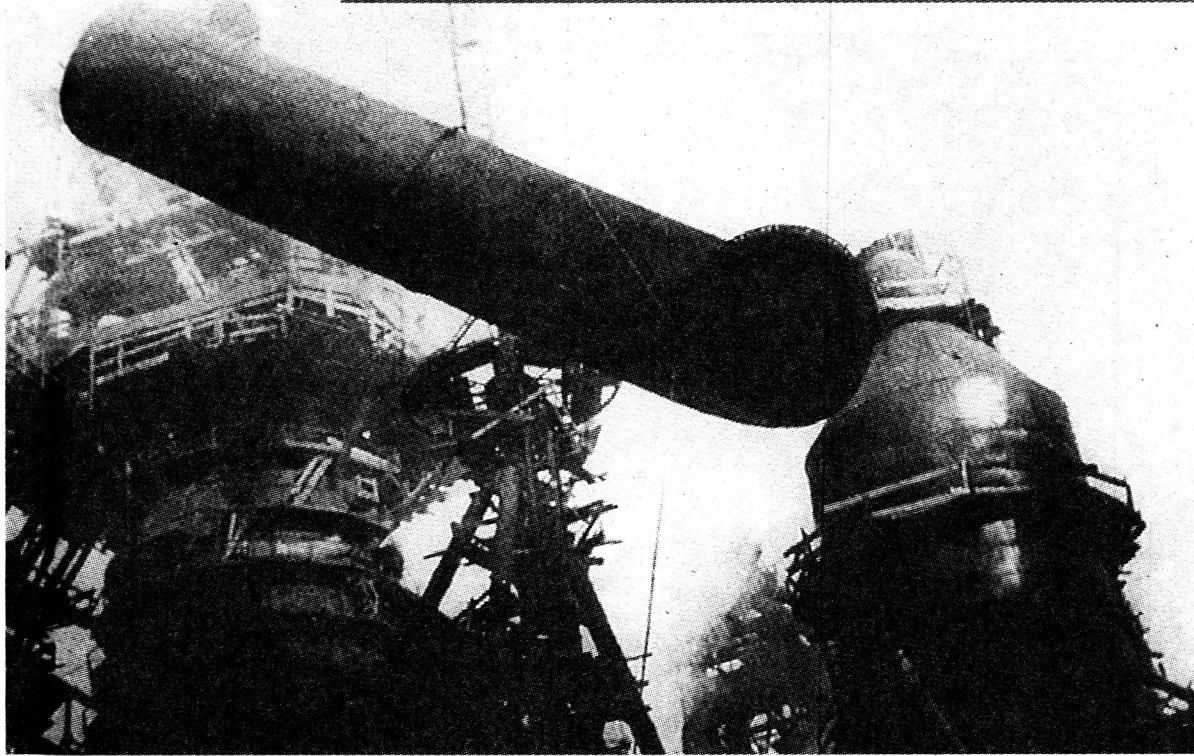
За обеденным столом башкиры собрали посланцу, самому старшему и степенному из них, по кусочку хлеба, и тот, раньше других проглотив свой обед, поспешил в деревушку. Вернулся быстро, с лыжами, но сумрачным и неразговорчивым. Сунул Коле Пугачеву лыжи и сказал, что возвращать их не надо, потому что пришла похоронка на бывшего их хозяина. У Коли после этих слов все внутри похолодело. А что с его отца? Ведь с лета, с самого момента их прибытия на этот рудник, он не получал из дома ни единой весточки. А если и на его отца с фронта уже пришла черная весть?

...В середине декабря, после обильного снегопада, зашуржило, завьюжило. После метели ударили холода, но на руднике шла по-настоящему жаркая работа — чтобы добраться до самой руды, пришлось изрядно попотеть всем четверым сотням работников, не исключая и заключенных ИТК, которым надо было прежде всего расчистить территорию своей колонии. Как бы ни расчищали подъездные дороги, добытую марганцевую руду возить на склад приходилось, в основном, на конных повозках. Из карьера лошади неслись почти что вскачь — тяжело нагруженные сани сами толкали их под уклон, а к самому складу, где был небольшой, казалось бы, подъем, возчики выпрыгивали из саней и шли рядом, подбадривая веревочными вожжами рвущих жилы лошадей.

Как-то поздней студенной ночью один из мастеров растолкал спящих мертвецким сном добровольцев — срочно надо было выручить застрявшую на дороге полуторку с вахтовым фургоном. Все рудничное начальство, кроме мастера Лобанова, приехавшего на рудник вместе с женой — фельдшером, приноровилось ездить по воскресеньям на соседнюю мельницу, где мельник, видимо, устраивал горожанам теплую и веселую встречу. Возвращаясь с очередной такой попойки, и попали незадачливые любители баньки в беду.

А через день всех неподкованных работников рудника ждал неприятный сюрприз. Заместитель начальника по хозяйственной части Мельников в столовой перед завтраком объявил, что свою норму хлеба коллектив рудника съел и она с этого дня сокращается на двести граммов — до восьмисот граммов в день. Гул недовольства вырвался из-за столов обеденного зала, но выступавший сурово заметил, что по сегодняшним результатам добычи руды и восьмисот граммов хлеба — лишку. Если выдача руды не увеличится, то хлебную норму придется сократить и вовсе до шестисот граммов.

Эта угроза была выполнена буквально через три-четыре дня. Ребята поскунулись. И при килограммовой-то хлебной норме они готовы были после тяжелого и морозного трудового дня съесть хоть еще такую же пайку, а после шестисот граммов хлеба, разделенных на три равные части, животы и вовсе подвело. «Не на каторгу же мы добровольно записывались, — стали поговаривать ребята по вечерам в землянке. — Что же так

издеваются-то над нами? За людей не считают!» А трудармеец Иван Титков на это мудро заметил, говоря почти шепотом:

— Мне хоть двести граммов хлебную норму положи, я слова не скажу, буду молча работать здесь, лишь бы на фронт не забрали. Я детей своих надеюсь увидеть, и им отец живой нужен. А война — она все равно закончится если не этим летом, то следующим, лишь бы нам живыми остаться.

Другие трудармейцы, похоже, были того же мнения. И когда в начале января восьмерым самым старшим добровольцам, двадцать пятого года рождения, пришли повестки в военкомат, на них все смотрели с

ныне головы нелепо болтались на тонких шеях. Сконфуженные друзья смотрели друг на друга и не знали, то ли смеяться им, то ли слезно жалеть друг друга.

— Что же в баню-то вас не водят, ребята? — только и смогла вымолвить женщина-врач, осматривая призывников.

— А нет у нас на руднике никакой бани, — ответил за всех осмелевший Сережа Чурсин. — Вы бы хоть выдали нашему начальству предписание, чтобы построили рабочим баню и постельное белье хоть изредка меняли.

Проведя медицинское освидетельствование и ознакомившись с личными делами этих призывников — работников Уразовского марганцевого

Последний отрезок пути — от Уразова до рудника — показался самым тяжелым и долгим. Коля Беляев совсем ослаб и после каждого падения никак не хотел вставать. Только едва слышно говорил, что вот немного отдохнет в тепле и тогда догонит ребят. Но каждый раз ребята помогали ему подняться, кричали на него, что он уже замерзает и ни в коем случае ему нельзя останавливаться. Паша отдал ему свои неумело сшитые, колом ставшие заячьи рукавицы, сам частенько подныривал Беляеву под руку и почти тащил его волоком.

Уже глубокой ночью переполошили своим появлением все спящее население блиндажа. Даже при свете керосиновой лампы все разглядели обмороженные лица и пальцы ребят. Иван Титков и сам метался между ними, аккуратно растирая обмороженные щеки и носы, и подключил к этому других пожилых трудармейцев. Одного из добровольцев послал за фельдшером, которая прибежала с какой-то несурзной торбочкой вместе с посланцем. Увидев, в каком плачевном состоянии вернулись призывники, не смогла сдержать слез. Но заплакала она, похоже, не столько от жалости к обмороженным ребятам, сколько от собственного бессилия: «Вам бы, мальчишки, хоть день два отлежаться, — причитала, глотая слезы, Лобанова, — но я вам даже освобождений от работы дать не могу — мне запрещено категорически».

Но ранним утром, когда паровоз дал первый гудок на пробуждение, Иван Титков, тот самый Титков, который говорил, что даже на двухсотграммовую пайку хлеба согласится, лишь бы не забрали на фронт, решительно запретил будить вернувшихся путешественников: «Пусть хоть еще пару часов отдохнут, вон они как намажались. А я начальству сам объясню».

Так и сделал. Перед завтраком подошел Титков к начальнику рудника и спокойно, но твердо рассказал ему, что ребята из военкомата вернулись поздно ночью сильно обмороженными и им сейчас просто необходимо хотя бы выспаться как следует после тяжелой дороги, а все остальные постараются их нормы взять на себя. Сирко с некоторым изумлением выслушал это, ничего не сказал и, только махнув рукой, сердито затопал прочь.

«Забронированные», как положено по закону, ребята в обеденный перерыв пришли в столовую. Оповещенные начальником рудника мастера ни слова упрека или раздражения им не высказали. А остальные добровольцы, да и трудармейцы были с ними подчеркнута предупредительны, даже дали им выбрать от буханок хлеба краюхи, охотников

на которые всегда было много, потому что краюха считалась более вкуснее и вкуснее, что ли, от обилия поджаренной корки.

В карьер после обеда призывники шли в плотном окружении остальных добровольцев, дотошно расспрашивающих о подробностях медкомиссии. Живописуя свои военкоматские приключения, призывники подошли к карьере и замерли, пораженные. Почему-то до сей поры они не обращали внимания на эту жутковатую картину, а теперь, после долгой дороги среди белого безмолвия, им это бросилось в глаза.

Под корнями темного дремучего леса на могучих плечах горного кража зияла безобразно разорванная рана глубокого карьера, из которого как будто сочилась бордово-красная полоса марганцевой дороги к складу и отвалу. Среди девственной снежной белизны эта дорога выделялась настолько четко и ярко, как будто и в самом деле из рваной раны густо текла кровь земли. Каждый из восьмерых, невольно остановившихся на мгновение, подумал, что эта потрясающая картина показалась только ему и никому другому, поэтому, ничего не сказав никому о своих фантазиях, они продолжили путь и вновь окунулись в суровые будни своего трудового фронта.

...В марте, когда день уже сравнялся с ночью и солнышко своими набирающими силу прямыми лучами уже стало подтачивать бурющую дорогу и делать ее еще более темной и трудной, приехал на Уразовский рудник начальник горного управления ММК Василий Никитович Котов. Провел суровое совещание с рудничным начальством, потребовал точного отчета об оставшемся количестве марганцевой руды и не только сохранения, но и увеличения объемов добычи. Но при этом и успокоил обещанием, что поднатужиться, напрячь последние силы остается еще недолго, потому что скоро, совсем скоро Красная Армия освободит южные металлургические районы страны, и там обязательно будет восстановлено производство ферромарганца. А пока крепость броневоегосита Родины обеспечивается этой вот марганцевой рудой, и ее надо все больше и больше.

Порасспросил у руководителей рудника, как показывают себя в работе ребята-добровольцы, удовлетворенно покивал головой, услышав о них лестные отзывы. А потом объявил, что всех ребят этих он забирает в город, на рудник горы Магнитной, где нужна в бурливых еще острее, потому что надо вводить новые горизонты добычи руды, которой приходится обеспечивать не только Магнитогорский и Кузнецкий комбинаты, но и вновь вводимые мощности уральских заводов.

Об этом решении Котов сказал добровольцам прямо в карьере. Сказал и удивился их спокойной реакции. Видимо, он ожидал, что наскучившие здесь по городу ребята бурно обрадуются, но угнетенные каждодневной тяжелой работой не услышали в словах начальника горного управления никаких радужных обещаний. Да и какие могли быть светлые обещания, если и на руднике горы Магнитной их ждала, может быть, еще более напряженная работа. Но самое главное, чем испортил Василий Никитович ребятам впечатление о своем решении вернуть их в город, — это перспективой более чем стокилометровой пешей прогулки до города. Сам Котов приехал на Уразовский рудник на рысаке, в легкой кошевочке, в которую он не мог взять даже нескольких добровольцев хотя бы потому, чтобы никого из них не выделять.

А для возвращающихся добровольцев два дня неимоверно трудного пути по скользкой мартовской дороге стали очередным тяжелейшим испытанием их крепости духа и рабочей-крестьянской закваски. Переночевав после первого дня пути в Верхнеуральске в старых лагулах сердобольных старушек, синим утром следующего дня они с трудом заставили идти свои не отдохнувшие еще ноги и только ближе к полуночи едва прилепились в рабочее общегитие в Соцгороде.

Какими могли быть светлыми обещания, если бойцов трудового фронта на горе Магнитной ждала напряженная работа?

нескываемой жалостью.

Начальник рудника распорядился выдать призывникам по две буханки хлеба, по полкуса хозяйственного мыла и по сто граммов сахара. Председателю Уразовского сельсовета написал записку с просьбой доставить ребят на лошадях до Учалов и сказал, что до Уразова всего километра четыре-пять и с дороги они не собьются, поскольку она тут одна, нигде не раздваивается.

И вот четыре Николая — Беляев, Пугачев, Липатов да Соколов, Ким Залецкий, Сергей Чурсин, Павел Поляков и Леонид Федоров синим морозным утром января 1943 года нестройной колонной двинулись в сторону деревни Уразова. Председатель сельсовета, прихрамывающий старик с жидкой козьей бородкой, недоуменно прочитал адресованную ему записку начальника рудника, затем послал за двумя подростками, которые вскоре приехали на запряженных в сани лошадей. Долго что-то говорил этим двум сопликам по-башкирски. Те, поартачившись, направились наконец на выход, махнув добровольцам, дескать, идите за нами. Ребята устроились по четверо на сани, и они резво закрипели от сельсовета к окраине.

Двадцать километров пешком никому не показались привлекательными, но другого выхода действительно не было. Пришли в Учалы уже затемно.

Когда донага разделись в военкомате на медицинской комиссии, ребята ужаснулись, увидев друг друга. Грязные, по полгода не мытые их тела, расцарапанные во сне до крови, были покрыты неприглядными коростами. Обросшие, давно нечеса-

рудника Магнитогорского металлургического комбината, комиссия Учалинского райвоенкомата подтвердила, что все они здоровы и пригодны к строевой военной службе. Однако учитывая, что все они являются ценными специалистами, бурильщиками четвертого разряда, им подтверждается бронь от призыва в ряды Красной Армии. То есть всем восьмерым призывникам следует вернуться на трудовой фронт. Собственно, ради этого официального подтверждения и принудили, выводит, добровольцев к столь несладкому пешему путешествию по ослепительно белому морозу.

Получив на руки все свои документы, ребята двинулись назад, на место прежней дислокации. Последние крохи своего сухого пайка доели на ходу, как только вышли из Учалов. Поглядывая на уже качнувшееся за полдень солнце, Паша Поляков призывал друзей ускорить шаг, чтобы хотя бы к сумеркам добраться до Уразова, «а там, считай, мы уже дома». Но полуголодной энергии хватило едва до заката.

В неровном свете голубеющего еще справа неба нетвердые ноги сами по себе выходили почему-то с мягкой обочины, где не сколько было идти, на твердую середину дороги, где накатанная колея будто подкарауливала каждый неверный шаг и отбрасывала в разные стороны заколебавшие до металлической твердости резиновые подошвы ботинок. Ребята неуклюже падали, еще более неуклюже поднимались, потому что уже не хотелось вынимать замерзающие кисти рук из рукавов фуфаяк. На побелевшие щеки и носы уже никто не обращал внимания.